

УДК 811.161

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-65-73>

Речевой жанр автобиографии как дискурсивная практика (на материале текста В. Я. Булохова)

Лариса Олеговна Бутакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», Омск, Россия,
larisabutakova1@gmail.com

Аннотация

Понятие дискурсивной практики как способа социально ориентированной речевой деятельности может быть применено к процессам создания и результатам (речевым произведениям, текстам) отдельной языковой личности, осуществляющей свою профессиональную деятельность в коммуникациях разного типа, жанра, адресной направленности и пр. Отдельные тексты такой личности можно считать своего рода дискурсивной практикой (по признакам социальной ориентации, реализации совокупности речевых жанров, проявлений субъектного начала, выраженности/невыраженности адресной направленности, тематической и семантической организации, когнитивной доминанты и пр.). Цель статьи – выявить дискурсивные параметры, связанные с тематическим, когнитивным, коммуникативным воплощением языковой личности автора (филолога), способами передачи информации, организации коммуникации с адресатом в художественно-публицистической речевой деятельности автобиографической направленности. На материале текста мемуарного типа «Автобиография», написанного красноярским филологом доктором педагогических наук В. Я. Булоховым, были показаны способы реализации языковой личности автора на структурном, тематическом, коммуникативном, когнитивном уровнях организации художественно-публицистического дискурса и типы проявления дискурсивной практики на основе применения регулятивов социального и персонального типа, обращающих внимание адресата на вписанность сообщаемой информации в социальной контекст «широкого» или «узкого» типа, взаимодействие хронотопов «там и тогда», «здесь и сейчас», «тогда как прогностическое сейчас». Применение анализа тематической и структурной организации текста, выявление режимов коммуникации, их чередования, особенностей актуализации когнитивного состава с помощью средств передачи информации на семантическом, прагматическом уровнях позволило установить ведущие речевые стратегии, маркирующие автобиографическую дискурсивную практику языковой личности, речевой деятельности которой присущи лексическая, синтаксическая, коммуникативная, стилевая вариативность, многообразие пространственно-временных и эгоцентрических компонентов дейксиса и текстообразования.

Ключевые слова: *дискурс, текст, дискурсивная практика, коммуникативная, структурная, смысловая, когнитивная организация текста, регулятив, художественно-публицистический дискурс*

Для цитирования: Бутакова Л. О. Речевой жанр автобиографии как дискурсивная практика (на материале текста В. Я. Булохова) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 65–73. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-65-73>

Speech genre of autobiography as a discourse practice (based on the text by V. Ya. Bulokhov)

Larisa O. Butakova

Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russian Federation, larisabutakova1@gmail.com

Abstract

The concept of discursive practice as a method of socially oriented speech activity is effective for describing the processes of creation and results (speech works, texts) of an individual linguistic personality who carries out his professional activities in communications of various types, genres, targeted orientation, etc. Certain texts of such a personality can be considered a kind of discursive practice (on the basis of social orientation, implementation of a set of speech genres, manifestations of the subjective principle, expressiveness/non-expression of address focus, thematic and semantic organization, cognitive dominant, etc.). The purpose of the article is to identify discursive parameters related to the thematic, cognitive, communicative embodiment of the linguistic personality of the author (philologist), methods of transmitting information, organizing communication with the addressee in artistic and journalistic speech activity of an autobiographical orientation. Analysis of the text of the memoir type “Autobiography” (written by Doctor of Pedagogical Sciences, Krasnoyarsk philologist V. Ya. Bulokhov) revealed ways of realizing the author’s linguistic personality at the structural, thematic, communicative cognitive levels of the organization of artistic and journalistic discourse, as well as features of discursive practice through the use of social regulations and personal type. Regulators draw the addressee’s attention to the connection of the reported information with the social context

of a “broad” or “narrow” type, the interaction of chronotopes “there and then”, “here and now”, “while the prognostic now”. The use of analysis of the thematic and structural organization of the text, identification of modes of communication, their alternation, features of updating the cognitive composition using means of transmitting information at the semantic, pragmatic levels made it possible to establish leading speech strategies that mark the autobiographical discursive practice of a linguistic personality, whose speech activity is characterized by lexical, syntactic, communicative, pragma-style variability, diversity of spatio-temporal and egocentric deictic components of discursive practices of text-forming means.

Keywords: *discourse, text, discursive practice, communicative, structural, semantic, cognitive organization of the text, regulative, artistic and journalistic discourse*

For citation: Butakova L. O. Rechevoy zhanr avtobiografii kak diskursivnaya praktika (na materiale teksta V. Ya. Bulokhova) [Speech genre of autobiography as a discursive practice (based on the text by V. Ya. Bulokhov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 65–73 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-65-73>

Введение

Проблемы границ, определения, сущности дискурса, категориальный и функциональный аппарат дискурс-анализа не одно десятилетие занимают зарубежных и российских исследователей [1–7]. Аналитические обзоры подходов к указанным понятиям можно найти в работах [5–10]. Лингвисты отмечают междисциплинарность связи исследований дискурса и речевой коммуникации, абстрактность понимания дискурса «с использованием языка как общественной практики, которая участвует в формировании социального мира», чем объясняют «тот интерес к анализу дискурса, который объединяет лингвистов, социологов, политологов, культурологов и представителей других гуманитарных направлений» [6, с. 227].

В системе классификаций дискурсов художественная коммуникация занимает особое место. В дискурсивной парадигме она получает деятельностный и социально ориентированный акцент, обозначается термином «художественный дискурс». Некоторые исследователи связывают такой вид дискурса с понятием «художественного», интерпретируя именно его в деятельностном ключе, – можно условиться «художественными» обозначать свойства самой творческой деятельности (художественно-языкового материала) [9, с. 21]. Понятие «художественный дискурс» соотносят с понятием «художественное высказывание» [10, с. 22], определяют его с учетом взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя), эстетических факторов порождения и восприятия [9, с. 35]. Коммуникация «промежуточного» типа, совмещающая черты художественного и публицистического повествования (жанр автобиографии, организующий текст профессионального писателя или филолога), может рассматриваться сходным образом – как «художественно-публицистический» тип дискурса – и анализироваться по дискурсивным параметрам.

Современные подходы к дискурсу любого типа (не только художественному) направлены или на установление способов смыслопорождения [10, 11], или на описание семантики [12], или на поиск единиц и приемов, наиболее пригодных для выражения дискурсивной семантики [13, 14]. Определенная их часть связана с понятиями «дискурсивная практика» и «коммуникативная стратегия» (см. обзор и анализ подходов к понятиям в [8, с. 128 и далее; 15, 16]). Первая и вторая категории понимаются динамично, социально, когнитивно, деятельностно, как комплекс речевых действий [8, с. 131, 132]. Ср. определение дискурсивной практики как динамичной организации коммуникативных систем, отражающих «характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление» и формирующих «новые формы коммуникации в данной социокультурной реальности» [6, с. 58]. Совмещение коммуникативно-прагматических и дискурсивных подходов к одному и тому же объекту допустимо в процессе выявления определенных коммуникативных стратегий в рамках тех или иных дискурсивных практик. Оно не будет противоречивым как одна из процедур моделирования параметров дискурсивной практики одной языковой личности. Совокупность текстов отдельно взятой языковой личности может быть оценена в качестве дискурса данной личности (основанием для объединения будет выступать не параметр тематического (как при тематическом подходе) или социального единства (как при социолингвистическом подходе), а параметр принадлежности речевой деятельности конкретному индивиду [3]).

Цель статьи – выявить дискурсивные параметры, связанные с тематическим, когнитивным, коммуникативным воплощением языковой личности автора (филолога), со способами передачи информации, организации коммуникации с адресатом в художественно-публицистической рече-

вой деятельности автобиографической направленности.

Материал и методы

Материалом для данного исследования является художественно-публицистический текст мемуарного типа «Автобиография», написанный красноярским филологом профессором Красноярского государственного педагогического университета доктором педагогических наук В. Я. Булоховым. Данный текст – не единственное «ненаучное» произведение автора. Есть сборники рассказов и стихотворений (их перечень автор разместил в финальной части «Автобиографии»). Многие филологи пишут прозу и стихи, далеко не все написали автобиографические тексты. В данном тексте отчетливо проступают черты языковой личности филолога, ученого, человека своего времени.

Методология исследования включает несколько этапов: 1. Оценка тематической организации текста, 2. Определение связи тематического состава и структуры автобиографического текста. 3. Выявление коммуникативной направленности текста в аспекте выражения коммуникативных и когнитивных моделей персонального дискурса в рамках заданной дискурсивной практики.

Результаты и обсуждение

Автобиографические тексты могут быть квалифицированы в дискурсивной парадигме в целом (об этом уже говорилось выше), поскольку обладают жанровой, когнитивной, коммуникативной направленностью, представляя «человека своего поколения, времени, профессии», вписаны в типовые ситуации общения, являют собой «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [17, с. 12]. Они могут быть проанализированы как определенные дискурсивные практики, поскольку образуют динамическую систему внутри социума (по официальным поводам и по внутренней мотивации люди определенных профессиональных и социальных групп создают речевые произведения, отражающие их речевое поведение и мышление, определенные формы коммуникации в конкретной социокультурной реальности).

Текст «Автобиографии» содержит 14 разделов, часть из которых типична для дискурсивной практики автобиографического типа («От автора», «Екимовское», «Оптина пустынь», «Людиново», «Москва», «Янги-Базар», «Ингаш», «Красноярск», «Омск», «Опять Красноярск»),

поскольку передает пространственные этапы жизни автора (перечень собственных имен – названий мест, в которых автор текста последовательно жил). В. Я. Булохов не случайно вынес эти названия в «Содержание»: своего рода это структурно-тематические пространственные регулятивы, которые акцентируют внимание адресата на важности для адресанта этих мест и самого принципа перемещения в пространстве (термин Н. С. Болотновой, о регулятивах см. [18]). Некоторые разделы «От автора», «Свидетельство о рождении», «Заключение», «Список основных публикаций», «Список художественных произведений» отражают стандартные компоненты иных дискурсивных практик.

Раздел «От автора» типичен в научном, учебно-научном, художественном и художественно-публицистическом дискурсах. Данный раздел анализируемого текста отличается наличием посвящения, которое также является регулятивом абсолютного начала текста, точно указывающим на конкретного адресата (дети и внуки автора), с одной стороны, и обобщенного (все, кто захочет проделать такую же работу – приумножить знания о своей родовой фамилии) – с другой: «Посвящаю детям Игорю и Елене, внукам Андрею и Евгению с надеждой на приумножение знаний о родовой фамилии» [19, с. 3]. Раздел «От автора» примечателен тем, что в нем есть обозначение «широкого» адресата, выражение отношения автора к нему и своему тексту: «Не мне заботиться о том, кто будет читать мою книгу. Одним некогда, другие, сидя за телевизорами и компьютерами, не привыкли читать. Возможно, написал я ее для себя, потому что не мог не написать». В этом же разделе пространно представлена основная стратегия речи – объяснить читателю причины написания текста, обозначить границы жанра, оценить свои речевые способности, отметить личностный и профессиональный статус: «Это автобиография без художественных зарисовок и почти без лирических отступлений. Я стремился рассказать не только о себе, но и о людях, окружавших меня, пытался нарисовать обстановку, описать условия, в которых рос, воспитывался, формировался как человек и как ученый» [19, с. 3].

Разделы списочного плана, особенно первый из них («Список основных публикаций»), отражают черты дискурсивных практик научного дискурса (от статей до монографий и диссертаций), а также компоненты официально-делового и документного дискурса (каждый преподаватель вуза по определенным причинам предоставляет в официальные инстанции списки своих трудов). Второй список («Список художественных произ-

ведений») – указатель для адресата на то, что автор писал не только научные труды, что еще раз показывает совмещение компонентов дискурсов разного типа.

Филологическая составляющая языковой личности автора персонального художественно-публицистического дискурса проявилась на разных уровнях организации «Введения» и всех глав книги. На когнитивном уровне она представлена актуализацией концептов «книга», «творчество», «наука», «преподавание» в семантическом поле самопрезентации. На прагматическом уровне это проявляется в этом же поле через использование интертекстуальных стратегий (во «Введении» это выражено в привлечении афоризма К. Пруткива и высказываний А. П. Чехова).

Часть «Свидетельство о рождении» не случайно расположена сразу же после раздела «От автора», так как она важна для пишущего не только с точки зрения даты рождения, документного описания этого момента, но и для передачи недоверия к этому документу по нескольким линиям – графики и орфографии фамилии, когнитивной лакуны – незнания точной даты по причине установления этого факта эмпирическим путем в детском доме (неточность фиксации даты рождения типична для рожденных в СССР в 20–30-х гг. XX в.). Информативная, тематическая, когнитивная составляющие данной части акцентированы регулятивами персональной и социальной значимости информации.

Регулятивы социального типа выделяют для адресата лексически, эгоцентрически, интертекстуально вариативность графической и акцентной нормы фамилии автора БулОхов или БулАхов с ударением на первом слоге, соотносительность с известным русским композитором П. П. Булаховым, его песнями и романсами, оформлением его фамилии в энциклопедическом словаре и частотным произнесением на радио. Персональные регулятивы задают по всему тексту данной части передачу информации как процесс чтения автором свидетельств о рождении, выделяют его недоверие к варианту фамилии, отраженному в свидетельстве о рождении, неустойчивость написания ее отцом в разных документах, судебной процедуры установления единообразия написания для определения трудового стажа, рефлексии братьев-близнецов Александра и Якова на информацию о композиторе, исправлении ими в документах «о» на «а», стойкости самого автора в выборе «о», ударения на первом слоге, нежелании походить на кого-либо: «Я же всю жизнь прочно держусь за букву О и ударение на первом слоге. Я не хочу быть похожим на кого-то, даже на знаменитого человека» [19, с. 5]. Некоторые

типы этой информации важны также в социальном отношении: наличие вариантов написания собственных имен в документах разного типа, судебная процедура установления личности, ее трудового стажа по документам.

Темы рождения, документа о рождении, детства, войны, братьев, отца, матери, самого автора, детского дома и его работников, композитора-однофамильца, места рождения, написания книги – тесно переплетены, развиваются по рекурсивному принципу в субъектно-безобъектном (безадресной я-коммуникации) повествовании. Ряд тем вводится с помощью привлечения внимания к процессу продолжения чтения документа и цитации: «Продолжаю читать. – Родился 1 мая 1933 года». Введение документной цитаты провоцирует автора к рефлексивным и когнитивным актуализациям. Рефлексия связана с годом и датой рождения. Когнитивная составляющая – пространственный когнитивный сценарий «Наделение датой рождения детей в детском доме в ходе медосмотра». Сценарная «упаковка» данной информации обусловлена пошаговой передачей события, типичного для страны того периода. Когнитивная составляющая пересечена с эмотивной и интертекстуальной. Автор отмечает доброту членов комиссии, их стремление назначить дату, связанную с важными событиями страны, оценить это с позиций взрослого человека: «Члены комиссии были добрыми людьми и стремились, чтобы у каждого воспитанника день рождения совпадал с каким-либо общим праздником: 1 января, 1 мая, 7 ноября. Как поет В. Высоцкий, „И нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты“. Мне досталось 1 мая. Хорошо, что не 7 ноября» [19, с. 5].

Эти стратегии актуальны и дальше. Информирование о письме отца с фронта в детский дом о дате рождения сына 20 июня пересекается с информацией о прочтении отцом всего одной книги, которую он помнил наизусть, что вызывает рефлексии и по поводу отца автора (возможности точного запоминания даты рождения сына), и по поводу отцов вообще, которые плохо помнят даты рождения своих детей, и по поводу себя самого (не помнит дат рождения своих детей; у самого два дня рождения – 1 мая и 20 июня: «Отмечать я их не люблю: они напоминают мне Великую Отечественную войну»).

Рекурсивный шаг возвращает автора к записям в свидетельстве о рождении: «Далее в свидетельстве о рождении написаны родители: отец – Булохов Яков Харитонович (русский) и мать –. Вместо фамилии, имени и отчества матери стоит прочерк. Получается, что родился я без матери» [19, с. 5–6] (о принципе рекурсивности как по-

вторяющемся характере взаимодействия между коммуникантом и выстраиваемой им средой; рекурсивном шаге как операциональной единице коммуникации см. [20, с. 16]). Документная информация снова пересекается с информацией о медицинской комиссии, детском доме, ситуации записи сведений со слов самих детей по памяти, отце, отношения к нему людей, матери, ее облику, памяти, себе: «Мать жила незаметно... Теперь я знаю ее имя и отчество: Мария Архиповна, в девичестве Горюнова. Эта фамилия мне больше нравится, и она, кажется, лучше примеривается к моей судьбе» [19, с. 6].

Дальнейший шаг повествования и передачи информации снова представляет собой возврат к фиксации записи факта рождения и факта регистрации, их расхождения на 12 лет, констатации обыденности неточностей записей и возможности обмана. Такой возврат – своего рода подводка к рассуждениям о редкости фамилии, ее этимологии, вероятностных корнях (для этого даны этимологические справки – от М. Фасмера до Ю. Федосюка).

Следующие части текста, особенно посвященные детским и юношеским годам («Екимовское», «Оптина пустынь», «Людиново», «Москва»), в тематическом, когнитивном, структурном отношении реализуют отмеченные способы дискурсивного и текстового развития. В части «Екимовское» актуальны темы «село», «река» «детство – дети», «бедность», «школа», «мать – смерть», «война», «немцы», «оккупация», «партизаны», «разделение детей», «голод». Все темы связаны с концептами «память», «семья», «скитания». Репрезентация тем и компонентов концептов происходит с опорой на информативные, эмотивные, оценочные стратегии, совмещение точек зрения «ребенок тогда»/«взрослый сейчас»: «Мои воспоминания этого голодного времени, что лоскутное одеяло, состоят из отдельных кусков, которые не сшиты в моей памяти, как прочно сшиты у одеяла», «Годы оккупации на всю жизнь определили многие привычки и отношение к окружающему миру. До сих пор сплю, укрыв голову простыней или одеялом, как спал, чтобы согреться, во время войны...» [19, с. 17]. Интертекстуальная стратегия в этих частях реализована с помощью цитат из немецких агитационных листовок на русском языке, разбрасываемых по деревням, частушек военного времени, отсылок к прецедентным феноменам биографий Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, текстам этих писателей, а также А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова.

Часть «Оптина пустынь» охватывает темы «детский дом», «учеба», «чтение», «работа»,

«отец», «братья». Темы учения и чтения преобладают, они же представляют концепт «учеба» через информативные и аксиологические его составляющие, связанные с изготовлением чернил и «носителями» текста: «Писали мы на старых газетах карандашом или самодельными чернилами. Осенью бродили по лесу, собирали с опавших листьев дуба галлы, шарики, болезненные наросты, серный сок которых заменял нам чернила; зимой чернила изготовляли из сажи. По сей день стоит перед глазами написанное мною в диктанте на газете слово *шел* через о» [19, с. 19]; отношением к новым словам: «К новым словам пацаны относились с интересом и настороженностью. Слово *концерт* мы встретили иронически и переименовали его в *консервы*, которые хорошо нам были знакомы, как и другие продукты питания, поставляемые нам из Америки» [19, с. 20], стремлением учиться: «Я хотел учиться, а отец не мог ни мне, ни братьям предоставить такого удовольствия. ...Так я ушел от родного отца. Победило стремление учиться» [19, с. 23].

Часть «Людиново», кроме указанных тем, посвящена теме учителей, которая становится доминирующей. Актуализация темы связана с портретами выдающихся людей, которые были учителями автора, – Ю. Даниэля и его жены Л. Богораз, С. М. Бонди и других. Большая часть информативной и оценочной составляющих текста главы посвящена именно Ю. Даниэлю и Л. Богораз. Средства актуализации темы – регулятивы социального и персонального типа. Первые привлекают внимание читателя рассуждениями констатирующего типа: «Каждый человек в течение своей жизни встречается со многими хорошими или плохими учителями в школе, вузе и на работе, но только отдельные из очень хороших учителей достойны преклонения. Мне повезло» [19, с. 28]. Персональные регулятивы в данной части текста представляют собой перечисление имен и фамилий известных филологов, у которых учился автор.

Социальные регулятивы, связанные с описанием событий 1966 г. в контексте политической обстановки в стране, сочетаются с персональными регулятивами. Социально значимая информация касается подробностей дела Синявского – Даниэля; персональная информация заключена в оценке тех, кто открыто защищал свободу творчества; описании биографии Даниэля, его учебы и работы, отношения к матери, жене, ученикам: «Как сейчас, перед моими глазами Юлий Маркович, увлеченный рассказом, медленно ходит вдоль классной доски, без пиджака, опускает руки по швам, берется за края своего полосатого пуловера и тянет его далеко вниз... Это была

дружная семья, увлеченная школьной педагогической деятельностью. Вершиной этой деятельности в период моего обучения в школе стал голевский литературный вечер... В заключительной сцене я изображал самого Гоголя, вернее, памятник ему» [19, с. 29–31].

Соединение регулятивов социального и персонального типа происходит не только по линии совмещения разных уровней информации, но и разных планов хронотопа: повествование «здесь и сейчас» (в момент написания текста) пересекается с повествованием «тогда» (воспоминаниями о периоде, о котором идет речь) и с повествованием «будущее в прошедшем»: «Но мы, школьники, не думали, что наш учитель – будущий писатель, и не знали, что он сын писателя. Мы, конечно, не предполагали, что Лариса Иосифовна Богораз станет известной правозащитницей, да и слова такого тогда не было в употреблении» [19, с. 34]. Значимость фигуры Учителя и Человека для автора передана через финальный для данной части регулятив, совмещающий персональную и социальную информацию: «На этом формально закончились годы учения словесности у Юлия Марковича Даниэля. Умер он 30 декабря 1988 года, но в сердцах благодарных учеников он продолжает жить и остается Учителем» [19].

Часть «Москва» продолжает тему учителей по рекурсивному и прогрессивному принципам. Рекурсия связана с постоянными отсылками к мнению Ю. М. Даниэля и Л. И. Богораз, которые повлияли на выбор филологического факультета МГУ, куда поступил автор. Рекурсивные шаги связывают те или иные информативные или оценочные высказывания пишущего с выражением своего рода соотношения с позицией Ю. Даниэля или его высказываниями. Рекурсивны некоторые фрагменты этой части, связанные также с отцом и сестрой.

Прогрессивный принцип реализован через передачу информации, в которой выделены яркие портретные и/или событийные черты преподавателей МГУ и однокурсников автора (двое из них трагически закончили свои жизни, о чем, совмещая временные планы, пишет автор, «забегая вперед»), описания военных сборов гуманитарных факультетов, совпавших с выходом постановления Пленума ЦК об антипартийной группе (своего рода акцией неповиновения московских студентов тогдашним властям), сцены долгого прощания с Москвой перед получением диплома и окончанием университета.

Своеобразным способом регулятивности является смена коммуникативного режима: повествовательный монолог автора сменяется «полифоническим диалогом»: речевые партии членов

приемной комиссии, опрашивавших автора текста, даны без указаний на говорящих субъектов, отделены друг от друга и от ответов абитуриента графически. Еще одним способом регулятивности является смена типа дискурса: при описании созданных студентами филфака обществ и сменивших их шутилой «Черноморской эскадры» и фрегата «Жемчужина» приводятся приказ по эскадре и рапорт, написанные в традициях институционального дискурса в официально-деловом стиле. При этом автор подчеркивает как игровой характер создаваемых тогда «обществ», так и стратегию применяемой их участниками языковой игры, соответственно, трансформации дискурсивной практики как противостояние социально значимой практике того времени: «Нас интересовала чисто бумажная сторона дела, языковая игра. Однако игра явно противопоставлялась некоторым общественным организациям» [19, с. 46].

Остальные части книги представляют профессиональную учительскую и научную деятельность автора. В разделах «Янги-Базар» и «Ингаш» преобладают регулятивы социального типа, связанные как с особенностями распределения выпускников МГУ 1958 г., так и с тонкостями работы учителя в Узбекистане («Тут наконец-то до меня дошло, что восток – дело тонкое, и я не вписываюсь в эту тонкую структуру» [19, с. 56]) и Красноярском крае («Случались и такие периоды, когда я директорствовал в трех местах одновременно: в восьмилетней школе, на УПК для вольнонаемных и в средней вечерней школе для заключенных» [19, с. 76]).

Есть социально значимые регулятивы в «Заключении», реализующие стратегию «подведение итога». Части «Красноярск», «Омск», «Опять Красноярск», «Заключение» наполнены регулятивами персонального типа («Прохолюстяковал лет восемь, 7 июля 1995 года я женился на Чернышевой Людмиле Матвеевне... После защиты докторской диссертации никаких других неожиданных и выдающихся событий в моей жизни не произошло», «Как видит читатель, в моей жизни было много трудного» [19, с. 102, 104]).

Заключение

Текст «Автобиографии» отражает, с одной стороны, характерное для социальной общности профессионально ориентированных людей (учителей, руководителей школы, студентов, преподавателей вуза, научных сотрудников) речевое поведение и мышление, а с другой – формирует комплексные формы коммуникации в данной социокультурной реальности, связанные с творческим переосмыслением жанра автобиографии

и совмещением в нем черт публицистического и художественного дискурсов.

Не только совокупность текстов отдельно взятой языковой личности может быть оценена в качестве дискурса данной личности, но и текст, совмещающий разные коммуникативные стратегии, композиционные компоненты которого указывают на сложное переплетение речевых мотивов и наличие речевых компетенций, образованных в ходе ведения дискурсивных практик разного типа.

Сформированность у языковой личности компонентов дискурсивных практик художественного типа связана с наличием высокого уровня креативного речевого компонента, эстетической мотивации речевой деятельности и наличием опыта самой этой деятельности. Все в совокупности проявляется в эстетически ориентированной речевой деятельности (поэтической и/или прозаической).

Сформированность у этой же личности компонентов дискурсивных практик официально-делового, профессионально ориентированного, учебного, педагогического, научного типа обусловлена интенсивной речевой деятельностью в рамках профессионально ориентированных институциональных и персональных дискурсов. Наличие сформированности и первых и вторых компонентов указывает на развитую языковую личность автора, одинаково эффективно реализующую разные типы дискурса. Именно такая языковая личность отражена в анализируемом тексте. Речевой деятельности В. Я. Булохова присущи лексическая, синтаксическая, коммуникативная, прагматическая вариативность, многообразие пространственно-временных и эгоцентрических дейктических компонентов дискурсивных практик, текстообразующих средств.

Совмещение коммуникативно-прагматических стратегий эстетически и публицистически ориентированной коммуникации ярко проявляется в автобиографической дискурсивной практике. Хотя сам автор подчеркивает в начале текста отсутствие художественных зарисовок и лирических отступлений, способ организации повествования, наличие антропоморфных метафорических структур, выбор коммуникативных моделей

(от я-, мы-коммуникации с отсутствующим адресатом до коммуникативной полифонии), информационный и интертекстуальный состав свидетельствуют об обратном.

Компоненты публицистического дискурса являются определяющими (выбор жанра способствует этому), проявляются во вводных и заключительных рассуждениях автора по каждому поводу, цитации документных фрагментов, постоянном обращении читателя к событиям в стране и типовому поведению (в том числе речевому) определенных групп людей или отдельных личностей в типичных ситуациях. Эстетическая и профессиональная филологическая составляющие выражаются не только в образном способе мышления (особенно это проявилось в главах, передающих детство и юность при описании часто прозаических и даже «сниженных» объектов), но и в обилии цитат и фрагментов из текстов частушек, песен, стихов и прозы разных поэтов и писателей, включая самого автора. Интертекстуальная стратегия не менее важна в таком типе дискурса: научные интересы педагога и методиста (речь школьников, речевые недостатки и пр.) не вытесняют в дискурсивной практике литературные и книжные пристрастия филолога.

При наличии безадресной коммуникации фигура адресата на формальном уровне задана в разделе «От автора» в виде посвящения детям и внукам и в разделе «Заключение» в виде описания «продолжателей рода». Фактическая фигура – все, кому интересно читать данный текст. Управление вниманием адресата и влияние на него производится автором через набор регулятивов социального и персонального типа. Тематическое разнообразие в пределах частей, пересекаемость тем и представленных средствами их воплощения концептов, применение принципов рекурсивного и прогрессивного развития, смена коммуникативных моделей внутри частей текста, вариативность средств связности текста, исторические и географические справки о местах, где родился, жил, учился, работал автор, об учителях, людях, с которыми свела его жизнь, можно квалифицировать также как своего рода регулятивы.

Список источников

1. Йоргансен М. В., Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. 353 с.
2. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурсанализу // Современная политическая лингвистика / под ред. Э. В. Будаева, А. П. Чудинова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006. С. 123–136.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

4. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
5. Иссерс О. С. Люди говорят: дискурсивные практики нашего времени. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. 275 с.
6. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 227–232.
7. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 54–61.
8. Никонова Е. А. Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия: эклектика vs полипарадигматизм? // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 123–139. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139
9. Фещенко В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 16–35. doi: 10.24411/2072-9316-2021-00001
10. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 134 с.
11. Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: Ленанд, 2021. 208 с.
12. Бутакова Л. О., Орлова Н. В. Семантика дискурса // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 4. С. 30–37. doi: 10.51762/1FK-2022-27-04-03
13. Dijk T. A. van. Discourse, semantics and ideology // Discourse and society. L. etc. 1995. Vol. 6, № 2. P. 243–289.
14. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity, 1992. 259 p.
15. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. С. 37–61.
16. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2002. 284 с.
17. Чернявская В. Е. «Дискурс – лидер продаж» или распродажа дискурса? // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 6–14.
18. Болотнова Н. С. Концепция эмотивности В. И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (166). С. 197–203.
19. Булохов В. Я. Автобиография. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. 124 с.
20. Карданова-Бирюкова К. С. Лингвистическая теория речевого события: структурно-эволюционный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 359 с.

References

1. Yorgansen M. V., Filips L. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Kharkov, 2008. 353 p. (in Russian).
2. Vodak R. Vzaimosvyaz' "diskurs – obshchestvo": kognitivnyy podkhod k kriticheskomu diskursanalizu [The relationship between "discourse and society": a cognitive approach to critical discourse analysis]. In: Budayev E. V., Chudinov A. P. (eds) *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2006. pp. 123–136 (in Russian).
3. Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Language personality: institutional and personal discourse: collection of scientific works]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. P. 5–20 (in Russian).
4. Karasik V. I. *Yazykovyye klyuchi* [Language keys]. Volgograd, Paradigma Publ., 2007. 520 p. (in Russian).
5. Issers O. S. *Lyudi govoryat: diskursivnyye praktiki nashego vremeni* [People speak: discursive practices of our time]. Omsk, Omsk State University Publ., 2012. 275 p. (in Russian).
6. Issers O. S. Diskursivnaya praktika kak nablyudayemaya real'nost' [Discursive practice as observable reality]. *Vestnik Omskogo Universiteta – Herald of Omsk University*, 2011, no. 4, pp. 227–232 (in Russian).
7. Chernyavskaya V. Ye. Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigmy [Phantoms and syndromes of the discursive paradigm]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, 2014, no. 1 (38), pp. 54–61 (in Russian).
8. Nikonova Ye. A. Diskursivnaya praktika i kommunikativnaya strategiya: eklectika vs poliparadigmatizm? [Discursive practice and communicative strategy: eclecticism vs polyparadigmatism?]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2023, vol. 12, no. 6, pp. 123–139 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139
9. Feshchenko V. V. Khudozhestvennyy diskurs: k opredeleniyu termina v perspektive lingvoestetiki [Artistic discourse: towards the definition of a term in the perspective of linguistic aesthetics]. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*, 2021, no. 1 (56), pp. 16–35 (in Russian). DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00001

10. Chernyavskaya V. Ye. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 134 p. (in Russian).
11. Chernyavskaya V. Ye. *Tekst i sotsial'nyy kontekst: sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smysloporozhdeniya* [Text and social context: sociolinguistic and discourse analysis of meaning generation]. Moscow, Lenand Publ., 2021. 208 p. (in Russian).
12. Butakova L. O., Orlova N. V. Semantika diskursa Semantics of discourse [Semantics of discourse]. *Filologicheskiy klass*, 2022, vol. 27, no. 4, pp. 30–37 (in Russian). DOI: 10.51762/1FK-2022-27-04-03
13. Dijk T. A. van. Discourse, semantics and ideology. *Discourse and society*. L. etc., 1995. Vol. 6, no. 2. Pp. 243–289.
14. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge, Polity Publ., 1992. 259 p.
15. Issers O. S. Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya [Discursive practice: to the definition of the concept]. *Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novyye diskursivnyye praktiki* [Modern speech communication: new discursive practices]. Omsk, Omsk State University Publ., 2011. Pp. 37–61 (in Russian).
16. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, URSS Publ., 2002. 284 p. (in Russian).
17. Chernyavskaya V. Ye. “Diskurs – lider prodazh” ili rasprodazha diskursa? [“Discourse is the best seller” or the sale of discourse?]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 3, pp. 6–14 (in Russian).
18. Bolotnova N. S. Kontsepsiya emotivnosti V. I. Shakhovskogo v kontekste issledovaniy po kommunikativnoy stilistike teksta [Concept of emotiveness V. I. Shakhovsky in the context of research on communicative stylistics of the text]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskiye nauki – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, 2022, no. 3 (166), pp. 197–203 (in Russian).
19. Bulokhov V. Ya. *Avtobiografiya* [Autobiography]. Krasnoyarsk, RIO KSPU Publ., 2002. 124 p. (in Russian).
20. Kardanova-Biryukova K. S. *Lingvisticheskaya teoriya rechevogo sobytiya: strukturno-evolyutsionnyy aspekt. Dis. dokt. filol. nauk* [Linguistic theory of speech events: structural-evolutionary aspect. Diss. doc. philol. sci.]. Moscow, 2021. 359 p. (in Russian).

Информация об авторе

Бутова Л. О., доктор филологических наук, профессор, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 644077).

E-mail: larisabutakova1@gmail.com

Information about the author

Butakova L. O., Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor, Omsk Dostoevsky State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).

E-mail: larisabutakova1@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 20.02.2024; accepted for publication 23.03.2024